

ШВЕЦИЯ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: ПОСТИЖЕНИЯ И УРОКИ ДЛЯ XXI ВЕКА

© 2019 г. К. Воронов

ARTEUS G. & ZETTERBERG K., eds. *Cold War Views on Sweden*. Stockholm, Medströms Bokförlag, 2018. 156 p.

ВОРОНОВ Константин Валентинович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (kvoronov@mail.ru).

Рецензия поступила в редакцию 24.05.2019.

Ключевые слова: Швеция, нейтралитет, неприсоединение, безопасность, Дания, Норвегия, Финляндия, Европа, северный субрегион, Россия, США, сотрудничество.

Реальные взгляды на шведский нейтралитет, истинные возможности вооруженных сил (ВС) Швеции на протяжении всего периода холодной войны (от Фултонской речи У. Черчилля в 1946 г. до падения Берлинской стены в 1989 г.) играли, бесспорно, ключевую роль в любых представлениях политического и военного руководства всех заинтересованных сторон о том, как будущий “горячий” конфликт может развиваться в Европе, в частности, в северной ее части. Территориально Швеция как нейтральная (скорее неприсоединившаяся) страна покрывала половину своего рода демаркационного пространства между НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД). К тому же Королевство предпринимало беспрецедентные шаги в сфере укрепления своей обороны в те грозные годы, периодически тратя на эти цели свыше 3.5% ВВП, особенно на свой ударный компонент – ВВС. Официально Стокгольм имел прочные, неоспоримые узы с Западом, но намеревался оставаться, как и ранее, вне двух мировых войн. Он ясно сигнализировал, что твердо расположен пребывать вне рамок и третьей¹.

Рецензируемая монография – оригинальный продукт масштабного шведского исследовательского проекта *Försvaret och det kalla kriget (FOKK – Sweden's defense during the Cold War* (англ.)). Он финансировался знаменитым в стране и за рубежом Фондом Валленберга, благодаря которому с 2002 г. было издано более 50 фолиантов. В предпосланном кратком Введении изложены не только цели и задачи данного издания, но и сама технология прове-

дения исследования. Здесь отмечается, что в книге содержится текст пяти лекций с конференции, состоявшейся 7–8 сентября 2017 г. в Стокгольме. Тема, их объединяющая, – “Внешние взгляды на нейтралитет Швеции и возможности ее обороны в течение холодной войны”. Докладчики, представляющие соответственно Данию, Финляндию, Норвегию, Россию и США, стремились ответить на три программных вопроса: 1) Как нейтралитет Швеции воспринимался в соответствующей стране; 2) Как возможности шведской обороны воспринимались в вашей стране; 3) Как Швеция оценивалась с точки зрения стратегического мышления в соответствующей стране (с. 9). Помимо этого здесь представлены Заключение и некоторые замечания (ss. 123-127), Библиография и заметки (ss. 129-144), сведения об авторах и список публикаций серии *FOKK* (ss. 145–151).

Анализ открывает бригадный генерал в отставке, ныне сотрудник Королевской высшей военной школы в Копенгагене **Михаэль Клеммесен**, который отмечает, что Дания геостратегически занимает ключевое место, своего рода “пробки в бутылке”, при обороне Датских (Малый и Большой Бельт, Эресунн, Каттегат и Скагеррак) проливов на Балтике. Причем это не только ее национальная задача, а миссия атлантических союзников, создавших общее Командование Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО в зоне балтийских проливов (КОМБАЛТАП). Сюда привлечены различные силы и средства ВС не только Дании, но и ФРГ, Норвегии, Великобритании, США (с. 14). Поскольку генерал М. Клеммесен занимал ответственные должности в национальных и объединенных структурах НАТО, он хорошо знаком с типичным стратегическим мышлением, характерными представлениями при планировании на этом участке Альянса. Так как часть южной Швеции (а именно, провинция Сконе) примыкает

¹ Необходимо отметить, что на Севере продолжают планомерно и заинтересованно изучать прошедший период холодной войны. Так, с совершенно иных позиций – торгово-экономического взаимодействия Норвегии и СССР на Крайнем Севере – проведено, например, недавнее исследование норвежского автора. См. подробнее: Karlstad K. *Kald krig – varme mennesker. Ny Pomorhandel med Sovjet-Russland 1978–2003*. Commentum Forlag, Sandnes, 2014. 252 s.

к зоне Датских проливов, то датские планировщики рассчитывали, что при нападении СССР/ОВД на шведскую территорию ее ВС будут решительно защищать свою страну всеми доступными им средствами. Тем самым будет создан, как здесь рассчитывали, прочный коллективный северо-западный фланг КОМБАЛТАП. Для этого не только проводились информационные встречи высшего датского и шведского военного руководства, осуществлялось практическое постоянное представительство офицеров связи (в частности, в 1979–1982 гг.), но и реализовывалась полевая выучка войск на различных маневрах (например, “*Exercise Blekinge*” зимой 1990–1991 гг.) (ss. 15–16).

Несмотря на эти установки в командовании в НАТО все же считали, что Швеция может воспользоваться своим нейтральным статусом (по крайней мере, на начальной стадии конфликта), который давал определенные политические и военные выгоды евро-атлантическим союзникам. В качестве “яркого” примера защиты шведского нейтралитета Данией под напором устремлений старшего союзника по НАТО генерал М. Клеммесен приводит любопытный эпизод на учениях “*Wintex-Cimex*” 1981 г. Он обнаружил, что на картах Амфибийных сил Корпуса морской пехоты США были изображены районы действия их военно-воздушных баз радиусом в 200 морских миль, которые покрывали большую часть южной Швеции. После его доклада Главнокомандующему ВС Дании генерал-лейтенанту Отто К. Линду о подобном гипотетическом нарушении нейтрального статуса северной соседки ретивые американские генералы вынуждены были внести соответствующие коррективы в свои штабные карты (s. 15).

Генерал М. Клеммесен напоминает о том, что Швеция занимала также важное место в геополитической теории “*северного баланса*” – районе низкого напряжения между блоками, которое обуславливалось сдержанностью сторон в своей зоне ответственности. Позже на ее основе появился политико-дипломатический план создания широко дискутируемой *северной безъядерной зоны* (СБЗ), который не удалось осуществить по целому ряду внешних (так называемое “двойное решение” НАТО 1979 г. о размещении РСМД в Европе) и внутренних (уход Социал-демократической партии Дании в оппозицию в 1982 г. и разрыв с либерально-консервативным правительством по вопросу консенсуса относительно ядерного оружия) причин (ss. 18–19)². Отсюда, генерал М. Клеммесен

делает закономерный вывод о том, что Швеция оставалась постоянным, хотя порой и не всегда явным, воздействующим фактором в официальном стратегическом нарративе Дании всего периода холодной войны (s. 20).

Иначе как чудом нельзя объяснить, считает профессор истории Университета Хельсинки **Киммо Рентола**, выход Суоми в 1944 г. из Второй мировой войны (ВМВ) “без утраты суверенитета и жизненно важных условий национального выживания” (ss. 33–34). Слагаемыми этого фантастически удачного решения для Хельсинки он видит помимо прочего в: 1) геополитическом существовании Швеции к западу от Суоми, 2) посреднических возможностях и способностях Стокгольма, 3) практической готовности шведских властей прийти в тот период на помощь своей восточной соседке (ss. 34–35). Хотя период сразу после завершения войны был для Финляндии достаточно тяжелым, в 1950-х годах начинает складываться широко известная “линия Паасикиви–Кекконена”. Финляндскому руководству удавалось делать робкие шаги в сторону сближения с Западом, в частности, для укрепления связей со Стокгольмом (вступить в структуры субрегионального “северного сотрудничества”), уходить из-под жесткого прессинга Москвы, *etc.* Не без влияния убеждений и аргументов финляндской стороны начинают меняться взгляды советского руководства (особенно после 1953 г.) относительно выгоды, как с политической, так и военно-технической точек зрения, для СССР северного нейтралитета (ss. 36–38).

В конце 1950-х – начале 60-х годов зависимость Финляндии от Швеции в политическом, даже стратегическом плане не только не снижалась, напротив, порой возрастала. Так, сторонам удалось преодолеть без ущерба для двусторонних отношений опасные эпизоды (в частности, последствия так называемого Трондхеймского проекта – планов грандиозного строительства железнодорожной магистрали от норвежского порта до шведского побережья Ботнического залива; обострение военно-политических проблем в Лапландии в связи с интенсификацией хозяйственного освоения и расширением военного присутствия в этом важном районе; обнаружение фактов разведывательной деятельности шведских военных против СССР через территорию Финляндии, *etc.*), которые не превратились, к счастью, в поводы для международных кризисов или конфликтов (ss. 39–40). بلاغرامозумно пойдя на уступки СССР, Финляндия отказалась от участия в американской программе “плана Маршалла”, но была вознаграждена вскоре приемом в состав ООН, членством в Северном Со-

² Автор часто и обоснованно ссылается на фундаментальный многотомник по истории холодной войны и участия в ней Дании, подготовленный коллективом сотрудников Датского института внешней политики (DIIS): *Danmark under den kolde krig. Den sikkerhedspolitiske situation 1945–1991*. Del 1, 1945–1962, Del 2, 1963–1978. Del 3, 1979–1991. Del 4,

Konklusion og perspektiver. DIIS, København, 2005. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/danmark-kolde-krig> (accessed 17.12.2018).

вете, участием в миротворческих операциях ООН в Суэце с 1956 г. и т.д. (ss. 41–43). “Шведский нейтралитет и финляндское стремление к нейтралитету, — веско заключает профессор К. Рентола, — хорошо дополняли друг друга” (s. 42).

В начале 1970-х годов начал развиваться процесс подготовки и проведения Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе (СБСЕ), который завершился, как известно, его триумфальным проведением в 1975 г. в финской столице (s. 43). На этом грандиозном моменте дипломатического успеха Финляндии профессор К. Рентола многозначительно и резко завершает свое повествование, полагая, видимо, что с этого периода начался как новый этап финляндского нейтралитета, так и развития его связей со Швецией.

Взгляды Норвегии на обсуждаемую проблематику в обстоятельном докладе излагает командер³ (в отставке, ВМС) **Тор Эгиль Уолтер**, который в становлении национальных ВС на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях видит два главных источника — англо-саксонский (Великобритания и Соединенные Штаты) и местный, северный (Швеция) (ss. 47–57). Влияние соседней Швеции на создание норвежских ВС было, отмечает командер Т.Э. Уолтер, более скромным, но не менее значительным, в основном по линии рекрутирования, обучения и подготовки личного состава, главным образом, офицерского. Новым направлением военной кооперации между Норвегией и Швецией в годы холодной войны стали массивные взаимные поставки современных вооружений, боеприпасов, средств материально-технического обеспечения (МТО). Причем сразу сложилась заметная асимметрия в пользу Швеции (ss. 57–59).

С оперативной точки зрения, стремление военного руководства Норвегии воспользоваться шведским оборонительным потенциалом наблюдалось, например, в 1970–1980-х годах, когда им рассматривались планы обороны (иронизирует автор, называя ее “Китайской стеной”) по так называемой Линии Каликс (вдоль одноименной реки). Комплекс расширяемых фортификационных сооружений служил здесь для защиты с двух сопредельных шведских направлений: 1) Кируна–Нарвик и 2) Ритсем–Шермен (s. 62).

Со стратегической точки зрения, линии политики обороны и безопасности этих северных соседей, бесспорно, кардинально расходились. Если нейтральная Швеция становилась членом НАТО, то весь Скандинавский полуостров превращался бы в естественную часть Центрального фронта, при этом обесценивая как доктрину шведского

нейтралитета, так и норвежскую линию *ограниченного союзничества* в Альянсе (так называлась *атомная* и *базовая* политика Осло по неразмещению ядерного оружия и иностранных войск на своей территории в мирное время. — **К.В.**). “Это поставило бы Финляндию, — заключает командер Т.Э. Уолтер, — в еще более сложную ситуацию, при которой, вероятно, советские базы оказались бы ближе к Скандинавии” (s. 65).

В завершающей части доклада автор сетует на доминирующее влияние командования и структур НАТО на военное планирование в Осло. Многовековые связи двух народов (в рамках одного государства до 1905 г.), отсутствие значительных языковых и прочих культурно-этнических различий, практически совместная борьба против германской оккупации Норвегии в годы ВМВ, — все это привело к тому, что сложился “союз профессионалов вне рамок какого-либо объединения на практике” (s. 68). Автор приводит убедительные примеры норвежско-шведского военного сотрудничества, в частности, на совместных учениях в районе г. Кируна в 2005 г., когда подразделения двух стран пересекали государственную границу даже без информирования вышестоящего командования. Также неформально он выполнял свои служебные задания на о. Готланд, будучи военным атташе в Стокгольме в конце 1990-х годов (s. 69). Оборонительные способности Швеции в годы холодной войны в Норвегии вызывали, по мнению командера Т.Э. Уолтера, однозначно уважение атлантических союзников. Центральная часть шведской обороны воспринималась в Осло почти как собственный компонент норвежской (s. 74–77).

Классически взвешенный исторический подход на характерные взгляды руководства Советского Союза по обсуждаемой проблематике были планомерно изложены профессором **Алексеем Комаровым** из Института всеобщей истории РАН. В 1930-х годах в условиях роста опасности новой войны в Европе заинтересованность Москвы в северных странах заметно выросла. После германской оккупации Дании и Норвегии в 1940-м советское правительство в официальном заявлении твердо выступило в пользу защиты шведского нейтралитета. «Негативное отношение к нейтралитету было, — как отмечает профессор А.А. Комаров, — характерно для сталинского периода. Его собственные высказывания (И.В. Сталина. — **К.В.**) свидетельствовали, что он рассматривал нейтралитет как своего рода свободную “ковбойскую” политику, которая могла осуществляться лишь с позволения великих держав» (s. 82).

Позитивный поворот в советском подходе относительно северного (шведского и финляндского) нейтралитета стал четко проявляться после

³ Воинское звание в ВМС и морской авиации англо-саксонских государств соответствует званию капитана II ранга в ВМФ СССР/России.

1953 г., в период так называемой хрущевской оттепели (с. 84). Тогдашнее советское руководство сделало соответствующие политические и идеологические уступки (в рамках концепции мирного сосуществования двух систем), готово было принять идею скандинавского оборонительного союза на нейтралистской основе (ss. 89-91). Дипломатические успешные визиты Н.С. Хрущева в Копенгаген, Осло, Стокгольм летом 1964 г. закрепили эти подвижки. В середине 1970-х годов в период “второй разрядки” двусторонние советско-шведские добрососедские отношения достигли “солидного базиса, стороны выражали твердое желание укрепить мир, воспрепятствовать гонке вооружений, предотвратить ядерную войну”. Эти достижения зафиксировал состоявшийся в июне 1978 г. официальный визит на высшем уровне Короля Швеции Карла XVI Густава и Королевы Сильвии в Советский Союз (с. 94).

В 1980-х годах советско-шведские взаимосвязи вновь спустились на низший уровень из-за обострения новой холодной войны (размещения США/НАТО РСМД в Европе), из-за начала регулярной охоты на советские подлодки в территориальных водах Швеции. Приятно отметить, что автор отсылает к коллективным монографиям “Малые страны Западной Европы”, подготовленным в ИМЭМО РАН и изданным соответственно в 1972 и 1984 гг., в качестве характерных источников советских экспертных взглядов на шведский нейтралитет, в которых обращается внимание на неформальные аспекты военно-технической кооперации с США и НАТО (ss. 95-96)⁴.

Редакторы издания в своем заключении сетуют на то, в частности, что освещая советские взгляды на достоверность военного компонента шведского нейтралитета и советское военное планирование в субрегионе, российский автор благоразумно отказался рассматривать эти сюжеты, поскольку мог выйти за рамки строго очерченного исторического анализа (с. 124, 125, 126). Резюмируя, профессор А.А. Комаров заключает: «Шведский нейтралитет был признанным внешнеполитическим феноменом холодной войны и биполярной эры. Когда Советский Союз распался, и Швеция стала членом Европейского союза, внешнеполитическая концепция Стокгольма начала меняться. Классическая формулировка Бу Эстен Ундена⁵ (“свобода от со-

юзом в мирное время с целью обеспечения нейтралитета в случае войны”, дополненная в 1990-х годах оговоркой “в ближайшем к стране окружении” — К.В.) была заменена на более расширенное определение политики безопасности. Отход Швеции от нейтралитета способствовал его иному восприятию в России. Имидж его утратил важность и значительность как тот элемент “шведского нейтралитета”, который служил главным образом позитивным примером в годы холодной войны» (с. 96).

Американский взгляд **Лео Михеля**, с.н.с. из Центра Брента Скоукрофта по международной безопасности (США), хрестоматийно исходит из главного тезиса холодной войны о том, что целью Вашингтона и Североатлантического альянса было “...предотвращение доминирования Советского Союза и его союзников над сухопутной континентальной массой Евразии и недопущение риска основным американским национальным интересам” (с. 103). Хотя высшие официальные лица в Вашингтоне достаточно внимательно следили за послевоенной трансформацией политики безопасности Стокгольма, до образования НАТО в американском руководстве доминировала точка зрения, что Швеция следует традиционной линии, главным образом исходя из угрозы советских ответных действий против Финляндии в случае изменения блокового статуса своей страны. После твердого отказа Швеции от вступления в Альянс в Белом доме осознали важность внутривнутриполитического фактора, а также специфической расстановки партийно-политических сил для шведского неприсоединения. “Думаю, что Швейцария могла обеспечить свой нейтралитет, основанный на географии, — отмечал госсекретарь Дж. Маршалл после переговоров с Б.Е. Унденом, — а Швеция нет” (с. 108). Также настороженно, без каких-либо симпатий в Вашингтоне отнеслись к неудавшемуся плану создания северного оборонительного союза вместо НАТО в субрегионе.

По мере успешной реализации программы милитаризации Западной Европы, власти Соединенных Штатов стали более терпимо относиться к специфике шведского курса, удовлетворившись к тому же неформальными широкими военными контактами шведов с Альянсом. Произвели впечатления на Белый дом, очевидно, и заверения Стокгольма о способности ВС страны (мобилизационные ресурсы до 600 тыс. человек, мощный ударный потенциал ВВС *etc.*) обеспечить свою защиту от советского нападения на первой фазе конфликта, а позже обратиться уже к Западу (США/НАТО) за военной помощью. С другой стороны, проблемы безопасности Швеции не были среди важнейших приоритетов у Вашингтона на начальном этапе холодной войны (ss. 108-110). Семь административных США в период холодной войны, как

⁴ Позже эти немаловажные сюжеты получили соответствующее освещение в рецензии. См. подробнее: Воронов К. Швеция—НАТО: конспиративная уния под лейблом нейтралитета. *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 5, сс. 110-120.

⁵ Один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) и дважды (в 1924—1926 гг. и 1945—1962 гг.) занимавший пост министра иностранных дел страны.

подчеркивает Лео Михеля, принимали Швецию политически и особенно в военно-ресурсном плане в расчет в качестве важной части системы безопасности северного фланга (ss. 112-113).

Освещая сюжет, связанный с “ядерным решением” Швеции – отказом от производства и вооружения ядерным оружием, автор обозначает, что различные ведомства Соединенных Штатов, в том числе представлявшие и разведывательное сообщество, указывали на первоначальную заинтересованность Стокгольма в поисках ядерных технологий, проведении соответствующих НИОКР в качестве “дешевой альтернативе углю, а не развитию оружия” (s. 114). Многие политики и значительные сегменты шведского общества были против создания ядерного оружия. Американским аналитикам к 1967 г. также стало ясно, что программа производства тактического ядерного оружия (ТЯО) Швеции не будет реализована, особенно после того, как правительство меньшинства СДРПШ урезало военный бюджет, эффективно завершило ядерные НИОКР, прекратило соответствующее планирование, а в 1968 г. окончательно подписало Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (s. 115).

Последствия этого исторического решения, по мнению Лео Михеля, сыграли двойную роль. Во-первых, способствовали смягчению позиции США в отношении продаж Швеции обычных вооружений, военных материалов, двойного назначения технологий *etc.* Во-вторых, привели к укреплению престижа американской доктрины ядерного устрашения, дистанцированию Швеции в главном конфликте между Западом и Востоком (ss. 116–118). В заключение Лео Михеля приходит к выводу о том, что в постбиполярный период Швеция (как и Финляндия) политически и военно-стратегически более тесно включена в процессы поддержания мира, безопасности и стабильности в Северном – Балтийском регионе (ss. 120-121).

Чтобы исключить возможность ложных или иных сомнительных толкований, в заключение авторитетные редакторы профессора **К. Зетгерберг** и **Г. Аргеус** сделали краткие выводы в соответствии с предложенным вопросником. “Датчане и норвежцы смотрели на шведский нейтралитет как на фактор поддержки стабильности и мира в северном регионе. ... Шведский нейтралитет обеспечивал им громадную свободу действий” (ss. 123-124).

Следует процитировать также и другую мысль авторов: “В Дании и Норвегии существовал, видимо, консенсус, который разделялся американцами

относительно того, что шведы обеспечивают свои достаточные оборонительные возможности, которые способны противостоять советским атакам, по меньшей мере, в течение двух недель, времени, необходимого для получения эффективной помощи с Запада. Наблюдатели, как отмечалось, в частности были впечатлены мощью шведских ВВС” (ss. 124-125). “В норвежском представлении Швецию ожидало бы медленное отступление, возможно эффективное, против советского наступления на север Норвегии, а датчане ожидали помощь со стороны шведской *Скании* при защите их Проливов. Для финнов сценарный ответ на этот вопрос был также ясен: интимное стратегическое сотрудничество со шведами” (s. 124).

Редакторы особо подчеркивают: “Главная война, в которую Швеция была бы вовлечена, придала бы нашей стране гораздо более интересную роль в Западной (американской) стратегии. Швеция, видимо, сыграла бы важную роль, скорее более вероятно, в обороне северной Норвегии и Датских проливов, чем уже считалось. В равной степени или даже более важно для стратегии Соединенных Штатов был тот факт, что Швеция, безусловно, предоставила бы свою территорию для передовых баз ОВВС НАТО” (s. 127).

Таким образом, как хорошо видно из книги, представленной интернациональным коллективом историков, политологов и военных аналитиков, судьбоносным, решающим фактором мира для Швеции, для северного субрегиона Европы и всего континента в целом в течение всего послевоенного периода, бесспорно, являлась здравая и взвешенная шведская политика обороны и безопасности. Этот опыт холодной войны имеет, безусловно, свою актуальность для современных вопросов безопасности в постбиполярный период. Сейчас картина поменялась, Швеция и Финляндия полностью интегрированы в Европейский союз. Они тесно сотрудничают с НАТО, в частности, в рамках Программы партнерства ради мира, а также ряда других важных договоров и соглашений. Особую скрепляющую роль стали играть двусторонние каналы связей с США. Многие аргументы о желательности членства Швеции в Альянсе продолжают звучать эхом и по сей день. Спокойствие и стабильность на этом фланге холодной войны, как убедительно следует из представленного анализа, зиждились, помимо прочего, на выверенных расчетах военных и политиков, как двух ядерных сверхдержав – Соединенных Штатов и Советского Союза, так и ближайшего со Швецией северного соседского окружения – Дании, Норвегии, Финляндии.

**SWEDEN AND THE COLD WAR:
ACHIEVEMENTS AND LESSONS FOR THE XXIST CENTURY**

[Review of the book: Arteus G. & Zetterberg K. (eds.) Cold War Views on Sweden. Stockholm, Medströms Bokförlag, 2018, 156 p. (In Swedish)].

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 120-125)

Received 24.05.2019.

Konstantin V. VORONOV (kvoronov@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИММО), 23, Profsoyuznaya Str. Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: Sweden, neutrality, non-alignment, security, Denmark, Norway, Finland, Europe, northern subregion, Russia, USA, cooperation.

About author:

Konstantin V. VORONOV, Cand. Sci. (History), Head of Section.